

Հեթում Պատմիչն իր ժամանակագրության մեջ հաճախ շփոթում է «Ֆրանկ»-ը «Ֆրանս» կամ «Ֆրանսիա» տերմինների հետ: Այսպես, օրինակ, նա գրում է. «Եւ (530) Կլաւդայր թագաւոր Ֆրանսին վախճանեցաւ» (հատ. 2-րդ, էջ 47). «Ո՛ՅԱ (651) զԹեւաւտարիկ թագաւորն Ֆրանսին հանին ի թագաւորութենէն» (հատ. 2-րդ, էջ 49) և այլն:

Որոշ հեղինակների կողմից «Ֆրանս» կամ «Ֆրանսիա» բառերի նման գործածությունը ընդհանրապես մեջ է ձգել Վ. Հակոբյանին, որը 6-րդ դարի իրողությունների մասին խոսելիս, գործ է ածում ոչ թե «Ֆրանկ» այլ «Ֆրանսիա» տերմինը: Որինակ, նա գրում է. «Խոսքը հավանաբար վերաբերում է ֆրանսիական թագավոր Խոռաս 1-ին (516—565) (հատ. 2-րդ, էջ 82) կամ «ֆրանսիական պատմության Մերովինգների և Կարոլինգների շրջանին...» (հատ. 2-րդ, էջ 33): Հայտնի է սակայն, որ ոչ միայն Մերովինգների տիրա-

պետության շրջանում, այլև Կարոլինգների ժամանակ «Ֆրանսիա», «ֆրանսիացի» տերմինները չէին գործածվում և եվրոպացիներին, որոնց թվում նաև ֆրանսիացիներին ու գերմանացիներին, «Ֆրանկ» էին անվանում:

Մեր այս մասնակի դիտողությունները շեն նսեմացնում գրախոսվող ժողովածուի արժանիքները: Միանգամայն զեափառելի է այն ծանր ու արնաքան աշխատանքը, որ կատարել է Վ. Հակոբյանը իր երկարամյա պրպտումների և ընթացքում, ևնշրաժեշտ է նշել, որ Հայկական ՍՍԻ Գիտությունների ակադեմիայի Պատմության ինստիտուտը շնորհակալ աշխատանք է կատարել, լույս ընծայելով Պատմության ինստիտուտի աշխատակից, պատմական գիտությունների թեկնածու Վ. Հակոբյանի՝ «Մանր ժամանակագրություններ» ծավալուն ժողովածունները:

Ա. ԳԱԼՍՅԱՆ

С. С. АРЕВШАТЯН, *Философские взгляды Григора Татеваци*. Академия наук Армянской ССР, Сектор философии. Издательство АН Армянской ССР. Ереван, 1957, 180 стр. Ответственный редактор Л. С. Хачикян.

История армянской философской мысли является молодой отраслью в арменоведении. Разработка ее началась сравнительно недавно, однако в этой области уже сейчас имеются ощутимые результаты, говорящие не только о правомерности (это теперь ни у кого не вызывает сомнения), но и о необходимости еще большей интенсификации и расширения работ по изучению богатейшего философского наследия армянского народа. Как показывают первые исследования, Армения обладает древней и самобытной философской культурой, имеющей свою многовековую литературу, свои специфические особенности и традиции. В Государственном хранилище древних рукописей АрмССР (Матенадаране) хранится огромное количество философских манускриптов, содержащих оригинальные труды армянских мыслителей, а также переводную философскую литературу. Исследование и раскрытие этого богатого насле-

дия, создание монографий об отдельных ее представителях, а затем об отдельных этапах ее развития — это единственно правильный путь к созданию в будущем целостной истории армянской философии.

С этой точки зрения большой интерес представляет недавно изданное Сектором философии АН АрмССР монографическое исследование кандидата философских наук С. С. Аревшатына «Философские взгляды Григора Татеваци».

До настоящей работы С. Аревшатына не только о философских взглядах, но вообще о мировоззрении Г. Татеваци, этого крупнейшего мыслителя средневековой Армении, не было специальных исследований. Имевшиеся отдельные высказывания, маленькие статьи, посвященные частным вопросам его взглядов, не только не раскрывали всего многообразия философских воззрений Татеваци, но и не давали полного представления о его мировоззрении. В ре-

цензируемой монографии С. Аревшатян впервые делает философию Татеваци предметом специального и всестороннего изучения. В ней подробно освещаются онтологические, гносеологические и психологические воззрения Татеваци (глава II) и выявляются его социально-политические взгляды (глава III). Эти основные стороны философии выдающегося армянского мыслителя со своими проблемами впервые в работе С. Аревшатяна анализируются во всем своем объеме, с привлечением материала, дотоле незнакомаго научной общественности, выявленного им в старопечатных изданиях трудов Гр. Татеваци и в средневековых рукописях.

Известно, что Татеваци является одним из плодovitых, если только не самым плодovitым мыслителем средневековой Армении, оставившим множество объемистых трудов. Автором проделана большая и кропотливая работа для их изучения; им использовано все богатое творческое наследие Татеваци.

Говоря о достоинствах книги С. Аревшатяна, необходимо особо подчеркнуть, что автор исследует философские взгляды Г. Татеваци — этого противоречивого средневекового мыслителя, крупного теолога и выдающегося философа — с совершенно правильных методологических позиций.

Дело в том, что подавляющее большинство средневековых мыслителей и философов было духовными лицами, теологами, которые, кроме специально философских сочинений, оставили множество богословских трудов, проповедей, толкований, посвященных разным вопросам религиозной догматики. Такими мыслителями в Армении были Иоанн Одзнеци, Иоанн Имасасер, Есан Ничеци, Иоанн Воротнеци, Аракел Сюнеци и многие другие, в том числе и Григор Татеваци. Их философские мысли очень часто разбросаны в религиозных трудах и покрыты толщей богословских рассуждений, окутаны христианской догматикой. Исследуя философские воззрения средневекового мыслителя, никогда не следует забывать высказывания Энгельса о том, что философия в средние века являлась служанкой теологии. Однако из этого определения Энгельса не следует, что философия сливается, отождествляется с богословием, утрачивая свою самостоятельность. Отсюда ясно, что исследовать фило-

софские взгляды средневекового мыслителя — это одновременно означает отделить их от теологии, выявить в гуще религиозных рассуждений философские вопросы и оценить их. С этой сложной задачей автор справился умело, со знанием как специфических особенностей и проблем средневековой философии, так и общих вопросов философии. Эта одна из самых положительных сторон работы С. Аревшатяна. Имея правильную отправную точку, автор избежал как переоценки, идеализации взглядов Г. Татеваци, так и их недооценки. Автор раскрывает и прогрессивные и консервативные стороны мировоззрения средневекового мыслителя, определяет его роль и место в истории развития армянской философской мысли.

В своей книге С. Аревшатян дает также общую характеристику философских проблем средневековья. Он, в частности, показывает специфику проявления основного вопроса философии в средние века и, исходя из этого, оценивает мировоззрение Татеваци. Он указывает, что основной онтологический вопрос философии в средние века почти без исключения решался идеалистически, в пользу первичности бога и вторичности природы. Однако основной вопрос философии косвенно затрагивался также в гносеологии и логике. В средние века именно в гносеологии своеобразно проявляется борьба между материализмом и идеализмом в форме борьбы между «номинализмом» и «реализмом». Основываясь на высказываниях классиков марксизма-ленинизма, автор пишет, что «великий спор средневековых номиналистов и реалистов вокруг природы «универсалий», вокруг вопроса, что чему предшествует: вещь — понятие или понятие — вещь, единичное — общему или общее — единичному, является спором вокруг основного вопроса философии, в котором номиналистическое решение имеет тенденцию и тяготеет к материалистическому решению, тогда как реалистическое решение противостоит ему и является выражением философского идеализма» (стр. 47).

Исходя из такой правильной постановки вопроса, материалистические тенденции в философии Татеваци С. Аревшатян ищет в его номинализме. Автор пишет, что индивидуальные, конкретно-конечные сущности Татеваци считает первичными и независи-

щим от человеческого сознания реально-стями. «Индивид как «первая сущность» обуславливает существование «второй сущности» — вида и рода. Если общее, род и вид в своем существовании зависят от единичного, т. е. индивида, то индивид независим в своем существовании. Индивид — это самобытное, первичное сущее. Род и вид возникают вследствие «собираения» индивидов в интеллектуальном акте, вследствие абстрагирующей деятельности разума. Единичное — необходимый субстрат для образования общего» (стр. 89—90).

С позиций номинализма Татеваци выступает против реалистов, считавших высказываемые посредством слов общие понятия за самостоятельные, первичные и реально существующие сущности. На основании высказывания Татеваци автор убедительно доказывает, что Татеваци подвергает учение Платона-Порфирия открытой критике, защищая материалистическую сторону аристотелевской логики. С. Аревшатян совершенно справедливо ставит Г. Татеваци, как номиналиста, в один ряд с такими крупными средневековыми представителями номинализма, какими были Росцелин, Абеляр и Вильям Оккам.

Гносеологические взгляды Татеваци являются одним из важнейших и ценных разделов его философии. По утверждению автора, Татеваци признает две формы познания: «естественную» и «благодатную»; если эта последняя «направлена на постижение того, что находится над природой и сверхъестественно, то «естественное» познание направлено на постижение природы, на все то, что не входит в сферу компетенции веры» (стр. 64). Деление знаний на две области — весьма прогрессивное явление в средневековой действительности; оно фактически приводит к разграничению сферы философии и теологии. С. Аревшатян в своей книге излагает подробности учения Татеваци об этих двух формах познания, одновременно показывая двойственный, непоследовательный характер этого учения.

Анализируя высказывания Татеваци о познании, автор приходит к выводу, что он защищает точку зрения познаваемости мира. Согласно Татеваци, человек познает окружающий его мир разумом, с помощью данных ощущений. Пять органов чувств и разум вполне достаточны для познания объективно существующей природы. Объект

познания первичен по отношению к познающему субъекту и существует вне и независимо от него. Знание, понятие, идея не могут обуславливать существование вещи, наоборот, их существование с необходимостью обусловлено существованием вещей (см. стр. 70).

Процесс познания, согласно Татеваци, начинается с ощущений, с чувственного опыта. Ощущение является первой, низшей, но необходимой ступенью познания и основой для деятельности разума, этой высшей ступени познания. Далее автор раскрывает взаимосвязь и соотношение между ощущением и разумом, чувственным и рациональным познанием, т. е. низшей и высшей формами познания, притом автор указывает, что Татеваци «постоянно подчеркивает зависимость рационального познания от чувственного» (стр. 76). Весьма ценным в теории познания Татеваци является его критика врожденных знаний. Он пишет: «Душа разумного человека подобна чистой доске или вымытому пергаменту; что напишут на ней, то она и воспримет» (стр. 69).

В системе взглядов Татеваци для марксиста-исследователя средневековья большую познавательную ценность представляет его учение о душе, которое, как правильно отмечает С. Аревшатян, неразрывно связано с гносеологией Татеваци. Учению Татеваци о душе посвящается третий параграф второй главы, где С. Аревшатян удачно раскрывает суть этого учения. У Татеваци здесь также выступают противоречивые тенденции. «Яркие материалистические положения, — пишет С. Аревшатян, — сочетаются у него здесь с идеалистическими теологическими взглядами... Он соединяет прямо противоположные убеждения, отдавая предпочтение то идеалистической, то материалистической точке зрения, то научному, то религиозному решению вопросов» (стр. 112—113).

Татеваци говорит о зависимости души от тела, о связи душевного состояния с телесными изменениями. И даже, не останавливаясь на этом, он часто утверждает, что душа связана с телом, тело управляет душой. «Телесное направляет духовное, ибо духовное зависит от телесного; если не действует телесное, то не действует и духовное», — пишет Татеваци (стр. 113). Татеваци в то же время находит, что материя в

потенциальной форме, в скрытом виде, как возможность, содержит в себе дух, который из потенциального состояния превращается в действительность и проявляет себя в связи с постепенным ростом, развитием плода, зародыша.

С. Аревшатыан указывает на связь учения Татеваци с учением о душе великого мыслителя античности — Аристотеля. «Вслед за Аристотелем, — пишет автор, — Татеваци утверждает, что душа имеет тройную форму проявления — растительную, животную и разумную, которые, в свернутом виде заключены в материи» (стр. 115). Это совершенно правильно; во многих вопросах учения Татеваци о душе можно проследить влияние Аристотеля, этого крупнейшего мыслителя-энциклопедиста античности. Даже можно смело утверждать, что прогрессивные материалистические стороны учения Татеваци о душе унаследованы и заимствованы у Аристотеля. Однако С. Аревшатыан допускает неточность, когда пишет: «Человек обладает всеми тремя формами души, тогда как растения и животные — одной: растительной или животной» (стр. 115, подчеркнуто нами — Г. Г.). Здесь неточность заключается в том, что согласно Аристотелю, а вслед за ним Татеваци, животные обладают не одной формой души, как это присуще растениям, а двумя формами — растительной и животной, так как животная душа обладает способностью не только питаться и развиваться (свойства растительной души), но и способностью ощущать, а ощущение является уже свойством животной души. Татеваци полностью соглашается с этим. Это доказывают те выдержки из трудов Татеваци, которые приводит сам же С. Аревшатыан (так, например, см. цитату на стр. 116).

В своей книге С. Аревшатыан очень удачно, со знанием дела излагает взаимоотношения вышеуказанных трех форм проявления души в человеке, их функции в человеческом организме, их роль в жизни человека и его деятельности. Автор особо останавливается на характеристике понятия Татеваци о разумной душе.

Согласно Татеваци, главная функция разумной души заключается в познании внешнего мира. Разумная душа достигает этого посредством органов чувств, ощущений, заключенных в животной душе. И

поэтому разум зависит от животной, а через нее и от растительной души. Эта связь со своими деталями также раскрывается в исследовании С. Аревшатыана. Разумная душа человека, согласно Татеваци, не содержит в себе никаких врожденных идей и знаний. Исходя из такого понимания, он придавал большое значение образованию, жизненным наблюдениям, чувственному опыту и т. д. Бесспорно, что это в условиях средневековья являлось прогрессивным явлением, ибо оно объективно расчищало дорогу для дальнейшего развития знаний о природе, об окружающей человека действительности. Эти прогрессивные стороны учения Татеваци о душе с достаточной глубиной и всесторонне анализируются в рецензируемой книге.

Другим вопросом, разбираемым в работе С. Аревшатыана, является вопрос свободы воли человека. «Характерной и отличительной особенностью человеческой души Татеваци считает, — пишет Аревшатыан, — наличие у нее свободы воли... разумная душа, по Татеваци, в отличие от души животной и растительной, суверенна в своей деятельности, она обладает свободной волей. Человек во всех своих поступках руководствуется повелением своего разума и своей воли. Его жизнью руководит он сам, и нет никакого внешнего и постороннего центра, который властвовал бы над ним и заставлял делать что-нибудь против его воли» (стр. 127—128).

Татеваци выступает против фатализма, против идеи предопределения и не признает существования рока, якобы предопределяющего судьбу человека. Он критикует древнегреческие языческие и средневековые астрологические представления о зависимости человеческой жизни от движения планет и расположения звезд. Признавая свободу воли, Татеваци считает, что мышление, разум должны контролировать волю и направлять ее по добродетельному пути. У Татеваци специально рассматриваются вопросы взаимоотношения мышления и воли и пути достижения гармонии между ними. Эти вопросы с достаточной ясностью излагаются в книге С. Аревшатыана.

Автор коротко останавливается на характеристике противоречий, ограниченностей и консервативных сторон психологических воззрений Татеваци, в которых, как пишет сам автор, сказывается его средне-

вековая теологическая ограниченность. «Однако,—заключает автор,—несмотря на эти противоречия и теологическую ограниченность, учение Григора Татеваци о душе в целом, благодаря своим прогрессивным, материалистическим тенденциям и целому ряду глубоких и смелых для своего времени идей, составляет важный этап в развитии философских знаний средневековой Армении, вернее — высшую точку, до которой дошли психологические воззрения в истории средневековой армянской философии» (стр. 135).

Очень интересной является также третья глава книги С. Аревшатяна, где впервые делаются предметом специального исследования социально-политические воззрения Гр. Татеваци. С позиций марксистской социологии автор освещает общественно-политические взгляды крупного средневекового церковного деятеля, защитника феодальных порядков, одновременно и прогрессивного мыслителя. Автор умело раскрывает классовую сущность Татеваци.

Социально-политические воззрения Татеваци противоречивы. «Здесь, — пишет С. Аревшатян, — Татеваци с одной стороны оригинальный и передовой для своего времени мыслитель, выступающий против деспотизма и феодальной междоусобицы, защитник идеи национальной независимости и сторонник ограждения народных масс от произвола и жадности господ, а с другой стороны, это монастырский варданет, поганяющийся народных движений и призывающий пресекать ереси, оправдывающий феодальную иерархию и философски обосновывающий господство светских и духовных феодалов над народом» (стр. 136).

Положительным фактом в деятельности Татеваци является его активная, широко развернутая общественно-политическая и идеологическая борьба против посягательств Ватикана — католицизма. Эта борьба велась для защиты самобытности национальной многовековой культуры армянского народа и, следовательно, носила патристический характер. Борьба Татеваци против унии армянской церкви с католической поддерживалась народными массами, ибо армянский народ видел в унии экспансионистические намерения Ватикана, понимал, что уния несла с собой духовное порабощение и иноземное клерикальное иго. И

поэтому народ оказывал упорное сопротивление коварным планам Ватикана.

В социально-политических воззрениях Татеваци представляют значительный интерес его понимание роли и значения общественно-государственных законов. Здесь он в известной мере выходит за рамки религиозного понимания данного вопроса. Он утверждает, что государственные законы — это человеческие, а не божественные установления, и поэтому люди вправе изменять их, создавать новые и, таким образом, приводить их в соответствие с духом времени. Татеваци находит, что исполняться должны такие законы, которые соответствуют разуму и существующему положению вещей. Чтобы законы были разумными, они, согласно Татеваци, должны создаваться не отдельным человеком, а «большинством» общества, ибо отдельный человек, каким бы разумом он ни обладал, не может учесть всех конкретных случаев, всего многообразия общественной жизни и верно обобщить в едином законодательном акте. Разумеется, Татеваци, как идеолог своего класса, под «большинством», наделяемым правом создавать законы, подразумевает не народные массы, а большинство господствующего класса — дворян и духовенство. «Однако,—заключает С. Аревшатян — в условиях средневековой армянской действительности подобное решение вопроса, несмотря на его классовую ограниченность, представляло собой передовой шаг, ибо, высказывая подобный взгляд, Татеваци фактически предлагает такую форму правления, которая направлена против деспотизма, против феодальной разобщенности и междоусобицы... Татеваци считает, что деспотическая единоличная форма правления и узкоэгоистическая политика феодалов являются причиной постигших Армению бед — потери национальной государственности, всеобщей разрухи и обнищания, массовой эмиграции населения и т. д.» (стр. 159—160).

В интересной, новой как по материалу, так и по постановке вопросов и содержанию книге С. Аревшатяна, посвященной философским взглядам Татеваци, имеется также много других вопросов, на которых мы здесь не имеем возможности остановиться.

Рецензируемая книга С. Аревшатяна, как мы сказали вначале, имеет много поло-

жительных качеств и достойна всякой похвалы. Но мы хотим указать и на ее некоторые недостатки.

Второй параграф первой главы озаглавлен «Социально-политические корни мировоззрения Гр. Татеваци». Непонятно, почему автор отвел этому вопросу отдельный параграф. Понятие социально-политические корни мировоззрения—очень широкое, куда включаются политическое, социально-экономическое положение страны, совокупность всех тех исторических особенностей, которые присущи данной стране. Сюда включаются также все те задачи, которые стояли перед армянским обществом в целом и перед каждым классом в отдельности. На этих вопросах С. Аревшатын в каждом отдельном случае более или менее подробно останавливается в первом параграфе этой главы. В сущности в этом параграфе дается политическая и социальная целенаправленность идеологической и общественной деятельности Татеваци, излагается суть его борьбы против католической церкви, борьба, которая в историческую эпоху Татеваци являлась одной из главных задач армянской церкви. Этот параграф, на наш взгляд, совершенно излишен, излишен по той простой причине, что вопросы, изложенные в нем, затрагиваются и в последующих главах и, в основном, в главе «Социально-политические воззрения Татеваци». Так, вопрос борьбы Татеваци против католической церкви излагается в том же плане, на основании тех же фактов и аргументов, также на страницах 138—140. Разумеется, было бы лучше, если этот вопрос освещался в одном месте и, конечно, лучше в главе «Социально-политические воззрения Татеваци» с перемещением сюда некоторых подробностей, излагаемых во втором параграфе.

С. Аревшатын совершенно справедливо указывает, что Татеваци основной вопрос философии решает в богословско-идеалистическом духе. Однако, утверждая это, автор рецензируемой книги пишет, что «решая в прямой постановке основной вопрос философии идеалистически..., Татеваци выдвигает одновременно свое оригинальное понимание функций божества и свое толкование природы. Здесь-то и начинается его расхождение с господствующей церковной идеологией» (стр. 57. Подчеркнуто нами—Г. Г.). Из дальнейшего изложения вопроса

становится ясно, что это «расхождение» заключается в том, что Татеваци основой существования природы считает четыре элемента—землю, воду, воздух, огонь—и находит, что эти элементы вечны и неуничтожимы. Но этим Татеваци не вносит «корректив в данное им первоначальное решение основного вопроса философии» (стр. 58). Дело в том, что Татеваци считает, что четыре элемента берут свое начало от творца природы и являются вечными и неуничтожимыми именно после сотворения мира. Татеваци не ставит вопроса о вечном совместном существовании элементов с богом—творцом. Ссылаясь на высказывания Татеваци, С. Аревшатын сам пишет «...бог создал телесную материя, из которой возникли элементы и состоящие из элементов тела» (стр. 60). Следовательно, ошибочно в мыслях Татеваци о вечности и неуничтожимости элементов искать расхождение с церковным пониманием основного вопроса философии.

Некоторое расхождение от церковно-религиозного решения основного вопроса философии у Татеваци на самом деле имеется, и оно выражается в теории Татеваци о «двух родах ничто». В очень осторожной форме, ставя под сомнение церковную точку зрения о том, что бог создал мир из ничто, Татеваци пишет, что имеются два рода несущего, т. е. ничто, одно из которых всегда есть ничто, ибо оно ни в возможности, ни в действительности не обладает существованием, а другое не-сущее, хотя в действительности не существует, но в потенции обладает существованием, и бог из такого ничто создал мир. Эта мысль Татеваци для своего времени, несмотря на всю ее непоследовательность, действительно носит прогрессивный характер, и автор должен был подчеркнуть это в первую очередь.

Недостатком книги на наш взгляд, являются также повторения. В ней повторяются в разных формулировках те или иные вопросы философских взглядов Гр. Татеваци, иногда некоторые вопросы общетеоретического характера, а также цитаты. И это последнее не случайно; оно как раз происходит вследствие повторений тех или иных вопросов из философии Татеваци. Так, начало первого параграфа главы второй (стр. 46—52) посвящено характеристике средневекового номинализма и реализма. Эта характеристика повторяется

также на стр. 82—85, в пункте б — «Решение проблемы универсалий. Номинализм». Изложение номиналистических воззрений Татеваци следует пункту а — «Формы и ступени познания». Нам кажется, что должно было быть наоборот, ибо номинализм является основой сенсуалистической гносеологии Татеваци, как об этом справедливо указывает и сам автор. Этой перестановкой пунктов а) и б) можно было избежать повторения многих вопросов, которые имеются в этих пунктах.

Иногда встречаются в работе неосторожные и поэтому неточные формулировки. Так, на стр. 59, излагая понимание Татеваци природы четырех элементов, автор пишет: «Когда элементы в силу закона притяжения и отталкивания перемешиваются, возникают различные тела» (подчеркнуто нами — Г. Г.). Ясно, что Татеваци не мог иметь представления о законе притяжения и отталкивания. На той же странице он пишет: «Природа, благодаря непрерывной борьбе между элементами, находится в непрерывном развитии, причем в своем развитии она постепенно поднимается от низших ступеней к высшим. Татеваци считает, что мир развивается эволюционным путем» (подчеркнуто нами — Г. Г.). Ошибка здесь очевидна, ибо Татеваци, защищая точку зрения сотворения мира богом, не мог быть сторонником эволюционного раз-

вития мира. Когда Татеваци пишет, что «природа не может творить внезапно, она постепенно поднимается от несовершенного к совершенному» (стр. 59), то он здесь имеет в виду не эволюционное развитие природы мира в целом, а частные явления, как, скажем, развитие зародыша или семени.

Указанные нами эти отдельные недостатки книги отнюдь не снижают ее ценности и легко могут быть устранены при втором издании книги, которое весьма желательно, притом на армянском языке, ибо труд о выдающемся армянском мыслителе представляет большой интерес не только для всесоюзного, но и для армянского читателя.

Исследование С. Аревшатяна восполняет пробел, существующий в наших знаниях об одном из крупнейших мыслителей средневековой Армении, и дает довольно полное и всестороннее представление о его философских и социально-политических взглядах, с их прогрессивными и консервативными сторонами. Книга С. Аревшатяна — одна из тех необходимых монографических работ, без которых невозможно создание подлинно научной истории армянской философской мысли, и поэтому она является значительным вкладом в этой области.

Г. ГРИГОРЯН

Հովհ. ԻնձիկՅԱՆ, *Քոզդան Կնունյանց, Հայագետնրաւ, Երևան, 1957,*
307 էջ:

Կոմունիստական պարտիայի ակադեմիկոս զործիչ Քոզդան Կնունյանցը ռեպուտացիոն սոցիալ-դեմոկրատների ավագ սերնդի այն ներկայացուցիչներից է, որոնք XIX դարի վերջերին և XX դարի սկզբներին Վ. Ի. Լենինի ղեկավարությամբ պայքարում էին մարքսիստական-լենինյան պարտիա, նոր տիպի պարտիա ստեղծելու համար: Քոզդան Կնունյանցը Անդրկովկասում և Ռուսաստանում անհաշտ ու հերոսական պայքար ծավալեց ցարական բռնակալության դեմ, իր ամբողջ գիտակցական կյանքը նվիրարեկեց պրոլետարիատի ազատագրության զործին և մեծավ բանտում ընդամենը 33 տարեկան հասակում:

Լինելով լենինյան-խկրայական կազմակերպությունների և ՌԽԴԲԳ Կովկասյան Միության հիմնադիրներից մեկը Քարվում և Անդրկովկասում, Կնունյանցը այդ կազմակերպություններն արժանավայել կերպով ներկայացրեց պարտիայի 2-րդ համագումարին, նա իրեն հատուկ նվիրվածությամբ ամենաակտիվ մասնակցություն ունեցավ 1905 թվականի ռեպուտացիային, կատարելով պարտիայի Կենտկոմի և Լենինի պատասխանատու հանձնարարությունները: Հատկապես նշանակալից է նրա ծավալած գործունեությունը Պետերբուրգում: Լինելով բանվորների ղեկավարների առաջին Սովետի Գործադիր Կոմիտեի անդամ, նա ամեն ջանը դրած էր